Научная статья

УДК 81'373.612.2'23
ББК 81.053.1
Г 70
DOI: 10.53598/2410-3489-2021-4-287-20-25

Синестетическая метафора «звук – цвет»: опыт корпусного и экспериментального исследования

Александра Владимировна Горохова
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, giacinta-veneziana@yandex.ru

Аннотация.
Рассматривается вопрос о когнитивном механизме порождения синестетической метафоры «звук – цвет». Описывается частотный анализ на материале Национального корпуса русского языка с целью выявления наиболее распространенных синестетических метафор, а также проводится лингвистический эксперимент для определения того, что с большей вероятностью задействуется при порождении метафор данного типа: непосредственно воспринимаемая аудиальная и визуальная информация или опосредованное системой языка представление о ней.

Ключевые слова:
метафора, концептуальная метафора, синестетическая метафора, корпусные исследования, лингвистический эксперимент

Original Research Paper

Synesthetic metaphor 'sound – color': an attempt at corpus and experimental research

Alexandra V. Gorokhova
Kuban State University, Krasnodar, Russia, giacinta-veneziana@yandex.ru

Abstract.
The present article deals with the cognitive mechanism underlying the generation of synesthetic metaphors according to the 'sound – color' model. The study includes quantitative analysis based on data from the National Corpus of the Russian Language aimed at identifying recurrent synesthetic metaphors, as well as a linguistic experiment aimed at determining the key factor of the generation of such metaphors: immediate perception of audial and visual information or its representation through language.

Keywords:
Metaphor, conceptual metaphor, synesthetic metaphor, corpus research, linguistic experiment

Введение.

В рамках данного исследования концептуальная метафора понимается как «реализация когнитивной или речевой стратегии» [1]. Концептуальные метафоры, в основе которых лежит перенос между разными перцептивными модальностями (напр. «звук → цвет» или «звук → осязание»), называются в науке синестетическими метафорами (хотя термин «синестетический» является спорным, т.к. не установлены связи между такими метафорами и синестезией как физиологическим явлением [2]). Синестетические метафоры неоднократно привлекали внимание отечественных и зарубежных исследователей. Первопроходцем в этом отношении можно назвать С. Ульманна, который в 1959 г. предпринял попытку исследовать паттерны метафорического переноса между перцептивными модальностями и обнаружил, что в одних направлениях этот перенос более вероятен, чем в других: к примеру, модальность «осязание» выступает в роли области источника очень часто, а модальность «запах» - почти никогда [3]. Идеи Ульманна получили развитие в работах Дж. Уильямса, который уточнил схему направлений синестетического переноса, и С. Дея, отметившего различие механизма синестетической метафоры и синестезии в физиологическом понимании [4], [5]. В отечественной лингвистике большую роль в изучении данной проблемы сыграл Т. Р. Степанян, рассмотревший синестетическую метафору как часть лексической системы языка [6].

Интерес к синестетической метафоре не ослабевает и по сей день, что проявляется в большом количестве исследований на данную тему. Однако все еще остается неизвестным, какие когнитивные механизмы лежат в основе синестетического переноса и до какой степени эти механизмы являются универсальными, а до какой – определяются лингвокультурными и индивидуальными особенностями. Потребностью исследовать эти механизмы и обусловлена актуальность статьи.

Материалы и методы.

Материалы исследования представлены выборкой фрагментов из художественных и публицистических текстов, содержащих синестетические метафоры. Для формирования выборки использован метод корпусного анализа, для проведения исследования – метод частотного анализа, а также лингвистического эксперимента.

Результаты.

Цель предпринятого исследования – установить, что с большей вероятностью задействуется при генерации синестетической метафоры – непосредственное чувственное восприятие или представление, опосредованное системой языка. Для достижения этой цели нами было принято решение совместить методы корпусного исследования и лингвистического эксперимента. В совмещении методов заключается научная новизна статьи. В рамках работы мы ограничимся рассмотрением синестетических метафор типа «звук – цвет», т.к. именно для этой пары перцептивных модальностей проще всего воспроизвести ситуацию непосредственного чувственного восприятия.

На первом этапе исследования путем анализа Национального корпуса русского языка, а также с помощью поисковой системы GoogleBooks были выявлены словосочетания, с наибольшей вероятностью заключающие в себе синестетическую метафору типа «звук – цвет», т.е. «прилагательное, означающее цвет + существительное, означающее звук», напр. *красный крик*, при этом из выборки исключались не являющиеся метафорами устойчивые словосочетания, такие как *белый шум* или *малиновый звон*.

Выборка составила 324 контекста, из которых были выделены синестетические метафоры. Выделенные метафоры были сгруппированы

по цветам, после чего были выявлены цвета, наиболее часто задействуемые в образовании синестетических метафор: *серебристый* (75 раз), *синий* (25 раз), *зеленый* (25 раз), *черный* (23 раза), *красный* (включая *алый)* (21 раз), *желтый* (16 раз), *голубой* (11 раз). Далее нами были выделены метафорические пары «звук – цвет», встречающиеся в выборке неоднократно.

Исходя из предположения, что чем выше частотность той или иной метафорической пары, тем выше вероятность, что генерация данной метафоры обусловлена чем-то помимо индивидуальных особенностей восприятия ее автора, нами была сформирована следующая подборка наиболее часто повторяющихся синестетических метафор: *крик – красный, звук большого колокола – черный, шорох падающих листьев – желтый, шум деревьев – зеленый, женский смех – серебристый, праздничный трезвон – синий, журчание реки – голубой.*

На основе этих данных был разработан лингвистический эксперимент, суть которого заключалась в эмулировании процесса генерации синестетических метафор. Эксперимент был построен следующим образом: на основании результатов корпусного исследования была сформирована контрольная выборка из 7 пар лексических единиц, отражающая наиболее частотные для русского языка метафорические связи между цветами и звуками. Испытуемые были разделены на 4 группы, каждой из которых был предложен свой вариант стимульного материала:

Группа 1 получила карточки, где были написаны названия цветов, которые требовалось соотнести с названиями звуков, т.е. вся информация относительно области источника и области цели метафоры была представлена в опосредованном языком выражении.

Группа 2 также получила карточки со списком цветов, однако звуки, с которыми их требовалось соотнести, были представлены в форме аудиозаписи. Испытуемые прослушали аудиозапись дважды. Каждый звук представлял собой фрагмент записи длиной 10 секунд, между звуками были паузы.

Группа 3 получила карточки, где не были написаны названия цветов, но были представлены образцы этих цветов, полученные при помощи фотопечати. Их требовалось соотнести с лексическими единицами, обозначающими звуки. Таким образом, для групп 2 и 3 информация была опосредована языком лишь частично: в первом случае для области источника, во втором – для области цели метафоры.

Группа 4 в качестве стимульного материала получила карточки с образцами цветов и аудиозапись для прослушивания. Соответственно, для этой группы ни область источника, ни область цели метафоры не были опосредованы языком.

Помимо собственно стимульного материала, карточки, полученные участниками эксперимента, включали в себя вводную часть, где предлагалось указать свой пол и возраст, родной язык, а также ответить на вопрос, замечали ли они раньше за собой проявления синестезии. Эксперимент проводился анонимно, т.е. не требовалось указывать данных, позволяющих идентифицировать личность. Испытуемым также давалась устная инструкция, в которой их призывали не задумываться над ответом слишком долго и судить по первому впечатлению. Также участникам эксперимента разрешалось указать цвет не из списка, но только при возникновении сильной цвето-звуковой ассоциации.

Участниками эксперимента стали 136 студентов языковых факультетов в возрасте от 18 до 25 лет. 119 испытуемых были женского пола, 17 – мужского. 118 участников указали русский как единственный родной язык, еще 18 идентифицировали

себя как билингвов, указав в качестве второго родного языка адыгейский (1), азербайджанский (1), армянский (7), иврит (1), кабардинский (1), карачаевский (1), украинский (6).

При анализе результатов эксперимента было отмечено, что ни гендер испытуемых, ни их билингвизм не оказывали значительного влияния на полученные данные.

Число участников, заявивших, что никогда не замечали у себя проявлений синестезии, составило 71, тогда как 65 – отметили, что сталкивались с такими проявлениями. Стоит уточнить, что при интерпретации результатов эксперимента эти данные не рассматривались как свидетельство того, что студенты действительно обладают синестезией, а только как способ определить их собственное отношение к данному феномену.

Возможностью указать при возникновении яркой ассоциации цвет не из списка пользовались с одинаковой частотой как участники, отмечавшие у себя синестезию, так и те, кто не сталкивался с подобными проявлениями. В целом количество таких альтернативных вариантов составило 5,7 % от общего числа ответов.

Результаты эксперимента показаны в Таблице 1.

Таблица 1. Совпадение с контрольными данными (в %) для 4-х групп.

Значение звука	Контрольные данные	Совпадение с контрольными данными, %			
		Группа 1 (текст + текст)	Группа 2 (звук + текст)	Группа 3 (текст + картинка)	Группа 4 (звук + картинка)
журчание ручья	голубой	57,9%	61,1%	57,9%	73,7%
большой колокол	черный	23,7%	36,1%	21%	47,4%
шорох падающих листьев	желтый	34,2%	27,8%	36,8%	23,7%
шум деревьев	зеленый	71%	11,1%	57,9%	2,6%
крик новорожденного	красный	36,9%	44,5%	36,8%	21%
женский смех	серебристый	10,5%	11,1%	7,9%	0%
праздничный трезвон колоколов	синий	28,9%	2,8%	15,8%	18,4%
Совпадение в среднем:		37,6%	27,8%	33,4%	26,7%

Как можно увидеть из таблицы, наибольшее совпадение с контрольными данными продемонстрировала Группа 1, которая получила стимульный материал в опосредованной языком форме. Наименьший процент совпадений можно наблюдать в Группе 4, которая получала информацию, касающуюся области цели и области источника метафоры непосредственно через аудиальный и визуальный каналы восприятия. Группы 2 и 3, для которых была опосредована языком только часть информации, закономерно продемонстрировали промежуточные результаты.

Для того, чтобы определить, является ли разница между показателями Групп 1 и 4 статистически значимой, мы воспользовались критерием Манна-Уитни, который

подходит для сравнительно небольших выборок. По проведении расчетов было получено значение U-критерия Манна-Уитни, равное 234, при критическом значении 387 для данного объема выборки при ошибке в 1%. Согласно Г. Манну и Д. Уитни, различие между показателями является статистически значимым, если значение U-критерия меньше критического [7], следовательно, выявленные нами различия обладают статистической значимостью.

Разумеется, условия, в которых находились испытуемые, отличались от условий генерации синестетической метафоры в реальной жизни, так как обычно метафора создается в речи спонтанно, и процесс ее порождения часто является неосознанным. Тем не менее, исходя из того, что контрольная выборка, основанная на корпусных данных, включала в себя именно метафоры, возникшие в естественных условиях, более высокий показатель совпадений с контрольными данными у Группы 1 позволяет заключить, что именно условия эксперимента в этой группе ближе всего к естественным.

Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее распространенные в языке синестетические метафоры представляют собой скорее перенос значения между языковыми знаками, чем описание аутентичного опыта синестезии.

Обсуждение.

Обращаясь к языковому знаку, субъект актуализирует не только закодированную им аудиальную или визуальную информацию, но и весь спектр его семантических связей, а также культурно обусловленных ассоциаций. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что подавляющее большинство испытуемых из первой группы (71%) и значимое большинство из третьей (57,9%) связали шум деревьев с зеленым цветом, очевидно, под влиянием метонимической связи «дерево – шум деревьев», тогда как испытуемые из других групп, воспринимавшие этот звук на слух, обычно определяли его как *синий* (55,6% и 55,3% соответственно). Похожую закономерность можно наблюдать и с шорохом опавших листьев: проецируя цвет самих листьев на производимый ими звук, участники, получившие текст в качестве стимульного материала, с большей вероятностью характеризовали этот звук как *желтый*. Эти случаи представляют несомненный интерес с точки зрения характера семантической связи между языковыми знаками – возможно, они могут быть квалифицированы как «синестетическая метонимия».

Тем не менее, не все бытующие в речи синестетические метафоры обусловлены только языком. Иллюстрацией этого является ситуация, сложившаяся со звуком большого колокола: у тех, кто обращался к языковому знаку, по всей видимости, актуализировалось ассоциативное поле «Религия» и, по близости с *золотыми куполами*, в 37% случаев участники из Групп 1 и 3 определили этот звук как *желтый*, в то время как те, кто слышал сам звук, с большей вероятностью (36,1% и 47,4%) идентифицировали его как *черный*, что совпадает с контрольными данными.

Заключение.

По итогам проведенного исследования было установлено, что с большей вероятностью в процессе создания синестетической метафоры задействуется представление, опосредованное системой языка, чем непосредственная чувственная перцепция. Дальнейшие направления исследования могут включать в себя проверку полученных результатов на материале других языков или расширенной выборки испытуемых, а также более детальное изучение семантических связей между языковыми знаками в парах «звук – цвет», например, «синестетической метонимии».

Примечания:

1. Хачмафова З.Р., Погребняк Н.В. Метафорическое моделирование образа политика в медиадискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2018. Вып. 4 (227). С. 112-116.

2. Winter B. Synaesthetic metaphors are neither synaesthetic nor metaphorical // Perception metaphors. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2019. P. 105-126.

3. Ulmann S. The Principles of Semantics. 1959. 2nd edition. Glasgow: Jackson, Son & Co. 348 p.

4. Williams J. Synaesthetic adjectives: A possible law of semantic change // Language. 1976. № 52. P. 461-478.

5. Day S. Synaesthesia and synaesthetic metaphors // Psyche. 1996. № 2 (32). P. 1-16.

6. Степанян Т.Р. Синестетические метафоры русского языка: прилагательные чувственного восприятия: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва, 1987. 184 с.

7. Mann H.B., Whitney D.R. On a test of whether one of two random variables is stochastically larger than the other // Annals of Mathematical Statistics. 1947. № 18. P. 50-60.

References:

1. Khachmafova Z.R., Pogrebnyak N.V. Metaphorical modeling of an image of the politician in a media discourse // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. Maikop, 2018. Iss 4(227). P. 112-116.

2. Winter B. Synaesthetic metaphors are neither synaesthetic nor metaphorical / Perception metaphors. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2019. P. 105-126.

3. Ulmann S. The Principles of Semantics. 1959. 2nd edition. Glasgow: Jackson, Son & Co. 348 pp.

4. Williams J. Synaesthetic adjectives: A possible law of semantic change // Language. 1976. No. 52. P. 461-478.

5. Day S. Synaesthesia and synaesthetic metaphors // Psyche. 1996. No. 2 (32). P. 1-16.

6. Stepanyan T.R. Synaesthetic metaphors of the Russian language: adjectives of sense perception: Diss. for the Cand. of Philology degree: 10.02.01. Москва, 1987. 184 p.

7. Mann H.B., Whitney D.R. On a test of whether one of two random variables is stochastically larger than the other // Annals of Mathematical Statistics. 1947. No. 18. P. 50-60.

Статья поступила в редакцию 25.10.2021; одобрена после рецензирования 18.11.2021; принята к публикации 20.12.2021.

The paper was submitted 25.10.2021; approved after reviewing 18.11.2021; accepted for publication 20.12.2021.

© А.В. Горохова, 2021